

ставлял по своей целеустремленности единого целого. Он отразил сложность и противоречивость исторического процесса, борьбу разнообразных классовых интересов. Поэтому, говоря об отголосках устной стихии в литературе, следует всегда учитывать, с чьей точки зрения данный устный источник отражал события и давал им оценку.

В литературе XI—XIII вв. противоречивость устного предания об исторических лицах и событиях отражена слабо. Между тем уже в эти первые века становления феодализма происходили неоднократно вспышки восстаний трудового народа против энергичной феодализации и, насколько позволяют судить поздние записи былин, устный эпос откликался на эти вспышки, выражая народное отношение к ним. Так, в былинах вскрываются следы воспоминаний о насильственном крещении новгородцев Путятой и о киевском восстании 1113 г. Тесно связанный с феодальной верхушкой, летописец не показал, например, как сам народ рассказывал о восстании смердов в Ростове и на Белозере в 1071 г., но передал повествование об этом восстании его „усмирителя“ Яна Вышатича — дружинника князя Святослава, собиравшего в это время дань с местного населения.

Насколько охотно включал в свой рассказ летописец проникнутые горячим патриотизмом предания о героическом прошлом, о борьбе Руси с внешними врагами, о героях, выдлившихся в этой борьбе, настолько планомерно он замалчивал несомненно существовавшие рассказы или песни о борьбе трудового народа с эксплуатацией, нараставшей по мере углубления феодализации. Феодальная идеология летописца не допустила его стать на сторону народа в этой борьбе, поэтому он, такой внимательный в других случаях к „неписаной истории“, совершенно обошел фольклор, отражавший классовый протест „смердов“ и городских ремесленников против нажима феодальных верхов.

Итак, при всем богатстве устнопоэтических отзвуков в литературном эпосе XI—XIII вв., не следует преувеличивать широты отражения в них всего многообразия фольклора той эпохи. Летописец тщательно отбирал то, что соответствовало его официальной роли княжеского или монастырского историографа.

Однако, несмотря на этот отбор, и подлинный фольклор трудового народа проник на страницы летописи. Летописец пытался иногда таким народным сказаниям придать желательный ему смысл, сопровождая их своими толкованиями; тем не менее, за вычетом этих его комментариев, мы получаем в довольно сохранном виде, по крайней мере, содержание, а частично и художественную форму фольклорных произведений.

Так, на основе „неписаной истории“ росло историческое повествование XI—XII вв., проникнутое глубоким патриотизмом, гордостью за славу своей родины и, позднее, тревогой за ее судьбу перед лицом